

The book cover features a stylized illustration of two women's profiles in shades of blue and green, facing each other. A large, flowing mass of pink and red wavy lines, resembling hair or a decorative element, connects the two profiles. The author's name is written in a bold, pink, hand-drawn font at the top, and the title is in a large, white, hand-drawn font in the center. At the bottom, there is a small illustration of a girl in a pink dress and a white label with the word 'ROMAN'. The publisher's logo and an age rating are in the bottom right corner.

КАЙЛИ
РИД

ТАКОЙ
ЗАБАВНЫЙ
ВОЗРАСТ

РОМАН

ph

18+

Кайли Рид

Такой забавный возраст

SUCH A FUN AGE by KILEY REID

Copyright © 2019 by Kiley Reid Inc

© Евгения Канищева, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

Патрише Аделине Оливер

...Не просто так — нужно дождаться дня рождения. Или вот мороженое. Его надо типа заслужить. Вчера мы ей обещали купить мороженое, но потом она пошла вразнос. И я сказала: «Извини, пожалуйста, но мороженое — это для девочек, которые ведут себя хорошо. А ты сегодня ведешь себя очень плохо. Может быть, завтра».

Рейчел Шерман. «Несладкая жизнь: беды безбедности»

Часть первая

Один

Когда в тот вечер позвонила миссис Чемберлен, Эмира расслышала только обрывки фраз: «...уведите куда-нибудь Брайар...» и «...заплачу вам вдвойне».

В битком набитой квартире, под чей-то вопль «Моя любимая песня!», Эмира, прижимая к уху телефон, стояла рядом со своими подругами – Зарой, Джосефой и Шони. Был сентябрьский субботний вечер, от двадцать шестого дня рождения Шони оставался час с минутами. Эмира прибавила звук в телефоне и попросила миссис Чемберлен повторить.

– Вдруг вы могли бы сводить Брайар в супермаркет, ненадолго? – сказала миссис Чемберлен. – Простите, мне так неловко! Я понимаю, что уже очень поздно.

То, что Эмирина дневная работа бебиситтера (дорогущие ползунки-боди, яркие пирамидки, влажные салфетки, тарелочки с перегородками) внезапно ворвалась в ее вечер (громкая музыка, платья в обтяжку, контурный карандаш для губ, красные пластиковые стаканчики), казалось почти неправдоподобным. Однако вот она, миссис Чемберлен, в 10:51 вечера, ждет, чтобы Эмира сказала «да». В легкой дымке двух крепких коктейлей это пересечение двух параллельных миров казалось даже смешным, зато в балансе Эмириного банковского счета ничего смешного не было: семьдесят девять долларов шестнадцать центов. После этой вечеринки – двадцатидолларовые закуски, выпивка, подарки вскладчину – наличные Эмире Такер явно не помешали бы.

– Секунду, – сказала она, поставила стаканчик на низкий кофейный столик и заткнула свободное ухо средним пальцем. – Вы хотите, чтобы я забрала Брайар прямо сейчас?

Шони, напротив Эмиры, положила голову на плечо Джосефе и заплетающимся языком пробормотала: «Я что, теперь старая? Двадцать шесть — это старуха, да?» Джосефа отпихнула ее и сказала: «Шони, не начинай!» Зара, рядом с Эмирой, поправила перекрученную бретельку лифчика. Потом, повернувшись к Эмире, с отвращением скривилась и спросила одними губами: *Это что, твоя мадам?!*

— Питер случайно... в общем, у нас тут неприятность, нам разбили окно, и... Мне просто очень нужно, чтобы Брайар сейчас не было дома. — Голос у миссис Чемберлен был спокойный и до странности отчетливый, как если бы она принимала роды и говорила: *Отлично, мамочка, а теперь тужьтесь.* — Мне ужасно стыдно беспокоить вас в такое позднее время, — снова сказала она. — Я просто не хочу, чтобы она увидела полицию.

— Вау. Окей. Но только, миссис Чемберлен... — Эмира присела на краешек дивана. С другой стороны, у подлокотника, две девушки начали танцевать. Слева распахнулась входная дверь, и в квартиру с воплем «Йеее!» ввалились четверо парней.

— Госсподи, — сказала Зара. — Неслабо ниггеры отжигают.

— Просто у меня не очень бэбиситтерский вид, — предупредила Эмира. — Я у подруги на дне рождения.

— О боже. Извините меня, пожалуйста. Конечно, тогда не нужно...

— Нет-нет, я не в том смысле, — сказала Эмира громче. — Я могу приехать. Просто объясняю, что я на каблуках и, как бы, ну... немножко выпила. Это ничего?

В телефоне слышался плач пятимесячной Кэтрин, младшей дочки Чемберленов. Миссис Чемберлен сказала в сторону:

— Питер, возьми ее, пожалуйста! — Ее голос приблизился: — Эмира, мне совершенно неважно, как вы там выглядите! Я оплачу вам такси сюда и потом такси домой.

Эмира сунула телефон во внешний карман сумочки, висевшей через плечо наискосок, проверила, все ли там на месте. Когда она встала и объяснила подругам, что должна уйти, Джосефа сказала:

— Ты уходишь *нянчить ребенка*? Ты серьезно вообще?

— Народ... знаете что? Со мной не надо нянчиться! — проинформировала всех Шони. Один ее глаз был открыт, второй из всех сил старался ему соответствовать.

У Джосефы были еще вопросы:

— Это что же за мать такая, которой среди ночи вынь да положь бибиситтера?

Эмире не хотелось вдаваться в подробности.

— Мне нужны деньги. Но я вернусь, если управлюсь пораньше, — добавила она, хотя и понимала, что это крайне маловероятно.

Зара ткнула ее локтем в бок:

— А прокачусь-ка я с тобой!

Фух, слава богу, подумала Эмира, а вслух сказала:

— Окей, можно.

Обе они в один долгий глоток прикончили свои напитки. Джосефа скрестила руки на груди:

— Поверить не могу. Вы что, правда решили свалить с дня рождения Шони?

Эмира высоко подняла плечи и резко опустила.

— Похоже, Шони тоже решила свалить с дня рождения Шони, — сказала она, глядя, как Шони сползает на пол и объявляет, что чуточку поспит.

Пока они с Зарой ждали «Убер» на тускло освещенном тротуаре, Эмира занималась подсчетами в уме: *дважды шестнадцать... плюс деньги на такси... да просто вау!*

Из дома Чемберленов доносился плач — Кэтрин до сих пор не успокоилась. Поднимаясь по ступенькам, Эмира заметила в окне зазубренную дыру, и по стеклу сползало что-то прозрачно-склизкое. Миссис Чемберлен уже стояла на крыльце, собирала гладкие светлые волосы Брайар в хвостик. Она поблагодарила Эмиру, поздоровалась с Зарой теми же словами, что и всегда («Зара, привет, рада вас снова видеть»), и сказала Брайар:

— Ты идешь гулять с большими девочками.

Брайар взяла Эмиру за руку.

— Я была в кроватке, — сказала она, — а теперь неть.

Три девочки спустились по ступенькам, и все три коротких квартала до «Маркет депо» Брайар восхищалась Зариными туфлями, явно (и тщетно) надеясь, что ей предложат их примерить.

В «Маркет депо» продавали органический коллаген из костного бульона, трюфельное масло, смузи — сейчас смузи-машина была отключена, в отделе темно — и, в огромных прозрачных контейнерах, несколько видов орехов на развес. В магазине было очень светло и безлюдно, работала всего одна касса — «не больше десяти товаров». У полка с сухофруктами Зара на своих высоченных шпильках присела на корточки и, одной рукой одергивая сзади короткое платье, достала упаковку изюма в йогурте.

— Ммм... *восемь баксов?! —* Она, словно обжегшись, быстро вернула баночку на место и встала. — Черт. Да это магазин для богатеньких.

— *Как ее родители,* — беззвучно, одними губами, ответила Эмира с малышкой на руках.

— Хотю это. — Брайар потянулась обеими руками к большим кольцам цвета меди в ушах у Зары.

Эмира приблизила губы к ушку Брайар:

— Как надо попросить?

— Пожалуйста, вот это, Мира, пожалуйста.

Зара изумленно открыла рот.

— Почему у нее всегда такой голос? Такой хриплый и ужасно милый.

— Убери косички, — сказала ей Эмира. — Не хочу, чтоб она за них дергала.

Зара перебросила все свои длинные косы — с десятков из них были высветлены в платиновый блонд — через плечо и, взявшись за серьгу-кольцо, приблизила ее к Брайар.

— У моей двоюродной сестры одна девочка классно плетет косички, на выходных пойду к ней. Давай, мисс Брайар, можешь

потрогать.

У Зары дзынькнул телефон. Она достала его из сумочки и начала набирать сообщение, склонив голову к Брайар, которая легонько дергала серьгу.

— Они еще там? — спросила Эмира.

— А то! — Зара чуть откинула голову назад. — Шони только что наблевала в цветочный горшок, Джосефа злая как черт. Ты еще долго тут будешь торчать?

— Не знаю. — Эмира поставила Брайар на пол. — Но эта подруга может часами разглядывать орехи, так что...

— Мира зашибает бабки, Мира зашибает бабки... — Зара, приплясывая, двинулась по отделу замороженных продуктов, Эмира и Брайар шагали за ней; она подпрыгивала, положив руки на коленки, и на отражениях ее бедер в темных стеклянных дверцах холодильников красовались пастельные логотипы мороженого. Ее телефон снова звякнул. — О боже, я что, дала свой номер тому чуваку у Шони? — сказала она, глянув на экран. — Запал на меня, вот бред.

— Ты танцуешь. — Брайар показала на Зару, сунула два пальца в рот и повторила: — Ты... ты танцуешь без музыки.

— Хочешь музыку? — Зара начала скроллить большим пальцем. — Сейчас что-нибудь поставлю, но ты тогда тоже должна танцевать.

— Только без неприличных слов, пожалуйста, — предупредила Эмира. — Если она начнет их повторять, меня уволят.

Зара помахала тремя пальцами в направлении Эмиры и пропела:

— Поняла, поняла.

Пару секунд спустя из телефона грянула музыка. Зара вздрогнула и, сказав «упс», уменьшила громкость. Мелодия синтезатора заполнила проход, запела Уитни Хьюстон, Зара закрутила бедрами, Брайар начала подпрыгивать, обхватив ладошками мягкие белые локотки, а Эмира привалилась спиной к дверце холодильника, за которой глянцевито блестели коробки с замороженными колбасками и вафлями.

Брайар Чемберлен была ребенком совсем не глупым. Она не впадала в восторг при виде воздушных шариков, и когда клоуны начинали кататься по земле или понарошку поджигать себе пальцы, ее это не веселило, а настораживало. На днях рождения и в балетной студии, когда раздавалась громкая музыка или фокусники-аниматоры призывали всех вопить, Брайар напряженно вслушивалась в себя, то и дело поглядывала на Эмиру, и ее встревоженные голубые глаза словно говорили: *Я точно должна это делать? Это точно необходимо?* Поэтому, когда Брайар легко, без усилия, стала раскачиваться вместе с Зарой под хит восьмидесятых, Эмира, как она часто делала, притворилась, будто ничего не замечает. Она хотела, чтобы Брайар всегда, всегда была уверена: если ей надоест, она имеет полное право перестать, выйти из игры — пусть даже самой Эмире происходящее грело душу. В данный момент двадцатипятилетняя Эмира зарабатывала деньги: тридцать два доллара в час за танцы в супермаркете с лучшей подругой и самым любимым маленьким человеком.

Зара, казалось, удивилась не меньше Эмиры.

— Ух ты, — сказала она, глядя на самозабвенно пляшущую Брайар. — Подруга, да ты шикарно танцуешь.

Брайар посмотрела на Эмиру:

— Ты тоже танцуй, Мира.

Эмира присоединилась к ним, когда Зара подхватила припев — как она хочет ощутить чей-то жар^[1]. Эмира крутанула Брайар вокруг себя, крест-накрест сложила ее ручки на груди, и тут в проходе появился кто-то еще. Эмира с облегчением выдохнула, увидев, что это женщина средних лет с короткими седыми волосами, в спортивных штанах и футболке «Фестиваль тыкв». Судя по внешности, в этой жизни ей явно доводилось танцевать с ребенком — а может, и не с одним, — так что Эмира решила не останавливаться. Женщина положила в корзинку пинту мороженого и широко улыбнулась пляшущей троице, а Брайар крикнула Эмире: «Ты танцуешь, как мама!»

На последнем куплете песни в проход въехала тележка, которую толкал некто очень высокий, гораздо выше, чем женщина с фестивалем тыкв. На его футболке был логотип университета штата Пенсильвания — «Пенн-Стейт», а глаза были красивые и сонные, но Эмира танцевать не перестала, иначе он бы сразу понял, что произвел на нее впечатление. Она продолжала отплясывать хип-хоп, краем глаза заметив в движущейся тележке связку бананов, и щелкала себя по плечам, словно стряхивая пылинки, пока он тянулся за смесью мороженных овощей. Зара предложила Брайар поклониться, и мужчина, прежде чем удалиться, поаплодировал им — четыре медленных хлопка. Эмира одернула юбку.

— Трам-парарам, ну ты меня уморила. — Зара наклонилась к Брайар: — Дай лапу. Молодчина, подруга. Все, меня нет.

— Ты уходишь? — спросила Эмира.

Зара с бешеной скоростью что-то строчила в телефоне:

— Похоже, кому-то сегодня повезет.

Эмира перебросила через плечо длинные черные волосы:

— Мать, ты делай как знаешь, конечно, но он такой прямо совсем белый-белый.

Зара толкнула ее:

— На дворе две тыщи пятнадцатый, Эмира! Да, мы *можем*!

— Угу.

— Спасибо, что подвезла. Пока, сестренка.

Зара пощекотала макушку Брайар и повернулась уходить. Под удаляющееся цоканье ее шпилек «Маркет депо» вдруг сделался очень белым и очень пустынным.

Брайар заметила отсутствие Зары, только когда та уже скрылась из виду.

— Твоя подруга, — сказала она, тыча пальцем в пустоту. Два передних зуба выдавались вперед, нависая над нижней губкой.

— Ей пора спать, — ответила Эмира. — Хочешь посмотреть на орешки?

— И мне пора спать. — Брайар запрыгала вперед по сияющим плиткам пола, держась за руку Эмиры. — Мы будем спать в магазине?

— Не-а, — ответила Эмира, — мы еще чуточку тут побудем, и все.

— Я хотю... я хотю понюхать тят.

Брайар всегда было важно знать, что в каком порядке будет происходить, и она беспокоилась, если этот порядок нарушался, поэтому Эмира начала объяснять, что можно сначала пойти посмотреть на орешки, а потом понюхать чай. Но ее объяснение прервал голос:

— Прошу прощения, мэм.

За голосом последовали шаги, и, когда Эмира обернулась, перед носом у нее сверкнула золотая бляха охранника. Наверху значилось: «Служба безопасности», а внизу, полукругом: «Филадельфия».

Брайар показала пальчиком вверх, на лицо охранника.

— Это, — сказала она, — не почтальон.

Эмира сглотнула слюну и словно со стороны услышала свой голос:

— О, привет.

Мужчина стоял прямо перед ней, просунув пальцы в петельки для ремня, и он не поздоровался в ответ.

Эмира коснулась своих волос и сказала:

— Вы, что ли, закрываетесь или типа того?

Она знала, что до закрытия еще целых сорок пять минут, — по выходным «Маркет депо» работал до полуночи, стерильный, безлюдный, набитый товаром, — но хотела, чтобы он услышал ее голос, услышал, как она говорит. Подальше, в другом конце ряда, за темными бакенбардами охранника, Эмира заметила еще одно лицо. Та седая, спортивного вида женщина, которая вроде бы умилилась при виде танцующей Брайар, стояла теперь, скрестив руки на груди. Магазиновую корзинку она поставила на пол.

— Мэм, — сказал охранник.

Эмира подняла взгляд на его широкий рот и маленькие глазки. Он выглядел как человек, у которого большая семья из тех, что проводят выходные вместе, целый день с утра до вечера, а не как человек, который назовет тебя *мэм* просто так, мимоходом.

— Слишком позднее время для таких маленьких, — сказал он. — Это ваш ребенок?

— Нет! — Эмира рассмеялась. — Я ее бэбиситтер.

— Да, но... при всем уважении, в данный момент вы явно не похожи на бэбиситтера.

Эмира ощутила, как у нее кривится рот, словно она проглотила что-то слишком горячее. Она поймала взглядом отражение в дверце холодильника и увидела себя во весь рост. Черты ее лица — пухлые коричневые губы, крошечный нос, высокий лоб под черной челкой — были почти неразличимы. Черная юбка, топ в обтяжку с глубоким треугольным вырезом, густо подведенные глаза — все это тоже не желало как следует отражаться в длинных панелях из толстого темного стекла. Эмира видела только что-то очень темное и худющее — и хвостик светлых волос, принадлежащий Брайар Чемберлен.

— Окей, — выдохнула она. — Я ее бэбиситтер, и ее мать позвонила мне, потому что...

— Простите, мне так неловко, но... Я просто... — Та женщина двинулась к ним из конца ряда, ее очень потертые кроссовки поскрипывали при каждом шаге по плиточному полу. Женщина прижала руку к груди. — Я сама мама, и я услышала, как малышка сказала, что она сейчас *не* с мамой, а поскольку уже так поздно, я слегка встревожилась.

Эмира посмотрела на нее и рассмеялась. Единственная мысль, крутившаяся в голове, была совсем не взрослая, но ни о чем другом Эмира думать не могла. *Это вот ты сейчас на меня настучала, да?*

— А куда... — Брайар показала пальчиком, — куда эта дверка?

— Секунду, бусинка. Окей... — сказала Эмира. — Я ее бэбиситтер, и ее мама позвонила и попросила ее забрать, потому что у них там

возникла внештатная ситуация и нужно было увести ее из дома. Они живут в трех кварталах отсюда. — Эмира почувствовала, как натянулась кожа на шее. — И мы зашли посмотреть на орехи. Мы их не трогаем, ничего такого. Мы просто... в общем, мы сейчас очень интересуемся орешками, так что... вот.

У охранника на миг раздулись ноздри. Он кивнул сам себе, будто отвечая на вопрос, и сказал:

— А вы ненароком не употребляли сегодня спиртного, мэм?

Эмира закрыла рот и отступила на шаг. Та женщина рядом с охранником поморщилась и произнесла: «О боже».

Эмире теперь открылся вид на ряд мяса и птицы. Покупатель в футболке «Пенн-Стейт» стоял не шевелясь и откровенно прислушивался. И это, в придачу к невысказанным, но подразумеваемым обвинениям, вдруг показалось невыносимо унижительным, будто Эмире вслух объявили, что ее имени нет в списке приглашенных.

— Знаете что, — сказала она, — ладно. Мы можем и уйти.

— Минутку. — Охранник выставил ладонь. — Я не могу вас отпустить, потому что дело касается ребенка.

— Но в данный момент это *мой* ребенок. — Эмира снова рассмеялась. — Я за нее отвечаю. Она со мной. Я официально ее няня. — Это была ложь, но Эмира хотела создать впечатление, будто существуют некие юридические документы, подтверждающие ее статус и ее отношения с этим ребенком.

— Привет, золотко. — Женщина наклонилась, уперев руки в колени. — Ты знаешь, где твоя мамочка?

— Ее мама *дома*. — Эмира дважды постучала пальцем по ключице: — Говорите со *мной*.

— То есть вы утверждаете, — охранник решил внести ясность, — что некая случайная женщина, живущая в трех кварталах отсюда, попросила вас присмотреть за ее ребенком в это время суток?

— *Огосподибоже*, нет. Я совсем не это сказала. Я ее няня.

— Несколько минут назад тут была еще одна девушка, — сказала женщина охраннику. — По-моему, она только что ушла.

На лице Эмиры отразилось изумление. Похоже было, что ее отменили. Ее существование признали недействительным. Она чувствовала себя так, как если бы, высмотрев в толпе подругу, стала ей махать и говорить в телефон: *Ты меня видишь? Ну вот же я, машу рукой.*

— Они отплясывали, — продолжала женщина, покачав головой, — даже не знаю, как сказать... что-то вроде тверка или как это называется? И я подумала: ну нет, в этом явно что-то не то.

— Эммм... — Голос у Эмиры вдруг сделался очень высоким. — Вы это сейчас серьезно?

Брайар чихнула в Эмирину ногу.

«Пенн-Стейт» подошел ближе. Перед собой, на уровне груди, он держал телефон — снимал видео.

— Огосподибоже. — Эмира загородила лицо пальцами с облупившимся черным лаком на ногтях, как будто случайно попала в кадр чужой групповой съемки. — Вы можете отойти?

— Думаю, запись может вам пригодиться, — сказал он. — Хотите, вызову полицию?

Эмира опустила руку и спросила:

— Зачем?

— Скажи-ка нам, большая девочка, — специальным задушевым голосом спросил охранник, присев на одно колено, — кто это с тобой?

— Лапушка, — ласково произнесла женщина, — это твоя подруга?

Эмира хотела наклониться к Брайар, обнять — может, увидев ее лицо прямо перед собой, Брайар обратится к ней по имени? — но она знала, что у нее катастрофически короткая юбка, а тут еще и эта запись на телефон. Внезапно ее судьба словно бы оказалась в руках ребенка, считавшего, что брокколи — это малышки-деревья и что если спрячешься под одеяло, то тебя никто не найдет. Брайар сунула

пальчики в рот. Эмира задержала дыхание. Брайар сказала: «Мира», и Эмира подумала: *слава богу*.

Но охранник сказал:

— Не тебя, детка. Вот эту твою подружку. Ее как зовут?

— *Мира!* — выкрикнула Брайар.

— Это мое имя, — сказала Эмира охраннику. — Эмира.

— По буквам можете сказать? — спросил охранник.

— Эй-эй-эй, — попытался привлечь внимание Эмиры тот, с телефоном. — Вы не обязаны показывать удостоверение личности, даже если они потребуют. Закон штата Пенсильвания.

— Я знаю свои права, чувак, — сказала Эмира.

— Сэр? — Охранник встал и обернулся. — Вы не имеете права вмешиваться. Речь идет о преступлении.

— Стойте, что-о? *О преступлении?* — Эмире показалось, что она погружается на дно: вся кровь, сколько ее было в теле, теперь с шумом плескалась в ушах и за глазами. Она наклонилась, подхватила Брайар на руки, расставила ноги для равновесия и отбросила волосы за спину. — О каком таком преступлении? Я *работаю*. Я в данный момент зарабатываю деньги, и, спорим, я получаю в час больше, чем вы. Мы сюда пришли посмотреть на орешки — так что, мы арестованы или можем идти? — Говоря все это, Эмира прикрывала ушко Брайар, а та погрузила ручку в глубокий треугольный вырез Эмириного топа.

Стукачка снова поморщилась, поднесла ладонь ко рту и на этот раз сказала: «О черт».

— Значит, так, мэм? — Охранник тоже шире расставил ноги — под стать Эмире. — Вы задержаны и вам задают вопросы, потому что под угрозой безопасность ребенка. Пожалуйста, опустите ребенка на пол.

— Окей, знаете что? — Эмира принялась извлекать телефон из крошечной сумочки; левая ее лодыжка мелко дрожала. — Я сейчас позвоню ее отцу, и он придет. Он белый и старый, так что вам всем тут сразу полегчает.

— Мэм, ну-ка, успокойтесь. — Выставив ладони в направлении Эмиры, охранник опять заглянул в глаза Брайар: — Скажи, детка, сколько тебе годиков?

Эмира вбила в телефон первые четыре буквы контакта **Питер Чемберлен** и нажала на ярко-голубой номер. Сердце чуть не выпрыгивало из груди — она чувствовала его удары под ладошкой Брайар.

— Сколько тебе годиков, зайка? — подключилась женщина. — Два? Три? — И, повернувшись к охраннику, сказала: — На вид около двух.

— Огосподибоже, ей почти три, — пробормотала Эмира.

— Мэм! — Охранник уставил палец ей в лицо. — *Я обращаюсь к ребенку!*

— Да-да, конечно. К кому же еще. Би, посмотри на меня. — Эмира заставила себя сделать веселое лицо и дважды чуть подбросила малышку на руках. — Сколько тебе лет?

— Раз, два, три, тетыре, пять!

— А мне сколько лет?

— С днем рождения!

Эмира перевела взгляд на охранника:

— Довольны? — Гудки в телефоне прекратились. — Мистер Чемберлен? — произнесла она. В трубке что-то щелкнуло, но никто не отозвался. — Алло! Это Эмира. Вы меня слышите?

— Я сам хочу поговорить с ее отцом, — сказал охранник и потянулся за ее телефоном.

— Какого хера? Не прикасайтесь ко мне! — Эмира все телом развернулась, и Брайар ойкнула. Она прижимала к груди Эмирины черные синтетические волосы, перебирая их, точно четки.

— Не стоит к ней прикасаться, — предостерег охранника «Пенн-Стейт». — Она не оказывает сопротивления. Она звонит отцу ребенка.

— Мэм, пожалуйста, будьте любезны, передайте мне телефон.

— Слушай, перестань, ты не имеешь права забирать у нее телефон!

Охранник, по-прежнему протягивая руку к телефону Эмиры, развернулся и гаркнул:

— Отойдите, сэр!

С прижатым к уху телефоном, с руками Брайар в своих волосах, Эмира завопила: «Да ты даже не коп! Сам отойди!» — и увидела, как меняется его лицо. *Вот теперь я тебя вижу насквозь*, говорили его глаза. *Вот теперь я точно знаю, кто ты такая*, — и у Эмиры перехватило дыхание, когда он начал вызывать подкрепление.

И тут в ее телефоне раздался голос мистера Чемберлена. «Эмира?» — произнес он. И потом: «Алло?»

— Мистер Чемберлен? Вы можете прямо сейчас прийти в «Маркет депо»? — Теперь в ее собственном голосе — как раньше в голосе миссис Чемберлен по телефону — сквозила с трудом сдерживаемая паника. — Потому что они тут думают, что я похитила Брайар. Пожалуйста, можете прийти поскорее?

Он пробормотал что-то среднее между *Чтооо?* и *О боже*. Потом сказал:

— Уже иду.

Эмира никак не предполагала, что внезапно наступившая тишина окажется хуже яростных обвинений. Пока они выжидали, чья же возьмет, на лицах всех пятерых была написана скорее скука, чем праведное возмущение. Эмира играла в гляделки с полом, Брайар гладила ее волосы. «Как грива у моей лошадки», — сказала она, а Эмира чуточку подбросила ее и сказала: «Угу. Это очень дорогая прическа, так что, пожалуйста, аккуратнее». Наконец она услышала звук разъезжающихся автоматических дверей, быстрые шаги — и из ряда с хлопьями для завтрака вынырнул мистер Чемберлен, а Брайар показала на него пальчиком и объявила: «Это папа».

Мистер Чемберлен, судя по его виду, всю дорогу бежал бегом — на носу выступили бисеринки пота. Он положил руку Эмире на плечо:

— Что тут происходит?

Эмира вместо ответа передала ему дочь. Стукачка отступила на шаг и сказала: «Вот и славно, тогда я пошла, а вы сами разберетесь». Охранник начал извиняться и оправдываться, сдернув с головы форменную фуражку, и тут как раз явилось подкрепление.

Эмира не стала ждать, пока мистер Чемберлен закончит читать охранникам лекцию о том, что он их давний покупатель, что они не имеют права задерживать людей без должных оснований и что с их стороны совершенно неуместно подвергать сомнению его родительские решения. Она просто шепнула ему:

— До завтра.

— Эмира, — сказал он, — подождите. Позвольте я вам заплачу.

Она замахала руками:

— Вы мне платите по пятницам. Пока, Брай, увидимся на твоём дне рождения.

Но Брайар на плече мистера Чемберлена уже засыпала.

Выйдя наружу, Эмира побежала за угол, в противоположном от дома Чемберленов направлении. Она остановилась перед закрытой кондитерской, где на витрине за опущенной решеткой были выставлены капкейки; пока она набирала сообщение, сама не зная кому, руки все еще дрожали. Глубоко вдыхая через нос и выдыхая через рот, Эмира пролистала длинный список песен — сотни названий. Она покачала бедрами и одернула юбку.

— Эй-эй-эй. — На углу показался «Пенн-Стейт» и зашагал напрямик к ней. — Эй, как вы? Все нормально?

Эмира слегка пожала плечами — тоскливое движение *ну-я-не-знаю* — и прикусила щеку, держа телефон на уровне живота.

— Слушайте, это ни в какие ворота не лезет, — сказал он. — Я все снял. На вашем месте я бы послал это дело прямо в новости, и тогда вы бы могли...

— Ффух. Ага... но нет, нет. — Она отбросила волосы с лица. — Ни за что. Но... все равно спасибо.

Он помолчал, провел языком по зубам.

— Окей, но этот тип вел себя как полный мудака. Вы не хотите, чтобы его выперли с работы?

Эмира рассмеялась.

— Чтобы что? — Она переступила с ноги на ногу на своих высоченных шпильках и сунула телефон обратно в сумочку. — Чтобы он пошел в другой магазин и околачивал там груши за девять долларов в час? Я вас умоляю. Не хватало, чтобы кто-нибудь погуглил мое имя и увидел меня под мухой, с чужим ребенком на руках в долбаном супермаркете на Вашингтон-сквер.

Мужчина выдохнул и поднял руку — *сдаюсь*. Под другой рукой у него был зажат бумажный пакет «Маркет депо».

— Я в том смысле... — Он упер свободную руку в бедро. — Они бы вас завалили бесплатными продуктами, на целый год хватило бы. Это как минимум.

— А, ну да, конечно. Затариться на год каким-нибудь дерьмом типа комбучи.

Он рассмеялся:

— Справедливо.

— Можно мне ваш телефон, — Эмира пошевелила указательным и средним пальцами, протягивая руку. — Это нужно удалить.

— Вы точно этого хотите? — спросил он осторожно. — Я серьезно. Это тянет на большой материал. Типа, на целую статью.

— Я не журналистка, — сказала Эмира. — И в интернете не зависаю, так что...

— Погодите, а как вам такой вариант? — Он достал телефон. — Дело ваше, я с удовольствием удалю. Но давайте сперва отправлю вам на мейл, мало ли, вдруг передумаете.

— Я не передумую, но...

— Чисто на всякий случай... Вот, вбейте свой адрес.

Просто потому, что дать ему адрес было легче, чем отговорить, Эмира, придерживая одной рукой ремешок сумочки, другой начала было набирать свой мейл. Но, увидев в поле «От кого» KelleyTCopeland@gmail.com, она остановилась и спросила:

— Стоп, какая на хер Келли?

Он моргнул:

— Келли — это я.

— А. — Эмира закончила набирать адрес и подняла взгляд. — Что, вот прямо так?

— Ладно, ладно. — Он забрал у нее свой телефон. — Я в школе учился, меня этим не проймешь.

Эмира улыбнулась:

— Неудивительно, что вы ходите в этот магазин.

— Эй, вообще-то я в него не хожу. — Он рассмеялся. — Но да, вы меня вогнали в краску. У меня сейчас в этом пакете два вида комбучи.

— Угу, — сказала она. — Вы удалили?

— Да. Все, ничего нет. — Он показал ей экран и прокрутил назад. Последним оказалось фото неизвестного мужчины с желтым самоклеющимся листочком на щеке. Что было написано на листочке, она не разглядела.

— Окей. — Эмира убрала прядку волос, прилепившуюся к покрытым блеском губам, и послала ему грустную — *ну-я-не-знаю* — улыбку. — Окей. Тогда пока.

— Ага, счастливо, спокойной ночи, берегите себя.

Он явно рассчитывал не на такое прощание, но Эмире было все равно. Она направилась к станции метро, по пути набирая сообщение Заре: **Приезжай как только сможешь.**

Эмира могла бы взять такси — миссис Чемберлен наверняка оплатит ей поездку, — но не стала, потому что никогда так не делала. Она мысленно отложила эту будущую двадцатку и поехала в Кенсингтон, где снимала квартиру, на метро. Во втором часу ночи Зара позвонила в домофон.

— У меня это на голову не налазит, — сказала Зара, сидя на Эмирином унитазе. Взгляды подруг встретились в зеркале, перед которым Эмира смывала макияж. — Потому что, ну... — Зара обхватила лицо руками. — С каких пор хип-хоп считается тверком?

— Не знаю. — Эмира стерла помаду махровой салфеткой. — Кстати, если что, — добавила она с извиняющимся видом, — мы с ними там это обсудили. И все сошлись на том, что я танцую лучше тебя.

Зара закатила глаза.

— Не то чтобы мы с тобой соревновались, — сделала вторую попытку Эмира. — Просто я победила, вот и все.

— Мать, — сказала Зара, — это могло *очень* плохо кончиться.

Эмира рассмеялась и сказала: «Зи, все норм», но потом прижала тыльную сторону ладони ко рту и беззвучно заплакала.

Два

С 2001 по 2004 год Аликс Чемберлен разослала больше сотни писем и получила бесплатные образцы товаров на сумму больше девятисот долларов. В числе этих товаров были кофе в зернах, шоколадные батончики «Луна», пробники косметики, ароматические свечи, специальная липучка, которой она прилепляла к стене плакаты в своей комнате в общежитии, подписные журналы, солнцезащитные кремы, маски для лица – всем этим Аликс делилась с соседками по комнате и другими девочками на этаже. Основным предметом в Нью-Йоркском университете у нее был маркетинг, а дополнительным – финансы, и на втором-третьем курсах она писала отзывы о продукции для студенческой газеты. На последнем курсе Аликс газету бросила и устроилась стажером в крохотный журнальчик – писать обзоры косметики, но рассылать письма не перестала. На плотной фактурной бумаге романтическим почерком с завитушками Аликс мило и вежливо просила прислать ей вещи, которые ей нравились, и крайне редко бывало, чтобы она не получила того, что хотела.

На протяжении следующих четырех лет Аликс писала письма в известные компании – «Рэй-Бэн», «Конан О’Брайен», «Сколастик», «Кьюриг», «Лулулемон», «Смартуотер», «Дабл Ю Отель» и сотни других. В основном это были просьбы, сопровождаемые лестью и обещаниями, но зачастую и тактичные нарекания с предложениями, как сделать лучше. Аликс отлично фотографировала; снимки вещей, полученных бесплатно, а также своих писем, благодаря которым эти вещи у нее появлялись, она выставляла в своем блоге. Вести блог она начала почти случайно, под влиянием момента, но сколько-то преданных подписчиков у нее набралось. Примерно в это время она познакомилась с Питером Чемберленом.

Аликс тогда было двадцать пять, Питера она встретила в баре, и, если совсем честно, он казался ей гораздо выше, пока в конце разговора не встал с барной табуретки. Однако Питер не только

совпадал с Аликс по росту, но и подходил ей по характеру. Ее восхищали некоторые его привычки, изысканные, но не показушные: как он бросал в свой стакан с водой листочки мяты или молча вписывал в чек тридцать процентов чаевых. Но что ей вмиг понравилось в нем больше всего — так это то, что он сразу воспринял ее побочный проект как настоящую работу. У Аликс была манера говорить о своих письмах самоуничижительно: «Ну, в общем, я... я пишу письма и обзоры и веду блог... но это мелочи, это совсем несерьезно...» Питер попросил ее рассказать об этом еще раз, но по-другому — представив, что это серьезно. Сам он прошел путь от обычного журналиста до ведущего новостной программы. Он вырос в богатом пригороде Нью-Йорка, был на восемь лет старше Аликс, не считал странным накладывать макияж перед выходом в эфир и твердо верил в необходимость создания собственного бренда. Когда в двадцать восемь лет Аликс выходила за Питера, ее свадебные туфли, белое вино и подарочки для гостей были получены бесплатно — благодаря ее письмам, написанным от руки, великолепным почерком, с обещаниями хвалебных отзывов. Во время медового месяца на Санторини Питер помогал ей сочинять эти дифирамбы.

Когда Аликс работала в Хантер-колледже Городского университета Нью-Йорка, в студенческом отделе, одна приятельница — преподавательница английского в «Коламбии», старейшей частной школе на Манхэттене, — попросила ее провести для выпускного класса семинар: как написать успешное сопроводительное письмо при поступлении в университет. Среди участников семинара оказалась семнадцатилетняя Люси с неправдоподобно белыми зубами, нежно-розовыми волосами и тридцатью шестью тысячами подписчиков в Инстаграме. Через три месяца после семинара Люси выставила в своем аккаунте фото: черновик сопроводительного письма, написанного с помощью Аликс, на фоне небрежно разбросанных писем отовсюду, куда ее готовы были принять: Калифорнийский университет в Ирвайне,

Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, Фордемский университет в городе Нью-Йорке и Эмерсон-колледж в Бостоне. Подпись гласила: *Всем этим я обязана Аликс. Честно, без нее я бы и в половину этих мест не рискнула сунуться. То, что она сделала из моей заявки, — просто бомба.* Дальше шли хэштеги: #просите_и_вам_откроют, #напиши_письмо и #мой_почерк. Пост Люси собрал больше 1700 лайков, и буквально в одну ночь Аликс Чемберлен стала брендом. Ее пристрастие к получению бесплатных вещей быстро превратилось в философскую концепцию: письмо подчеркивает индивидуальность женщины, помогает ей уверенно выражать себя, возвращает коммуникации изначальный смысл. Глубокой ночью Аликс изменила свое био в Инстаграме на #собственный_почерк. Питер велел, чтобы она, во-первых, сделала ребрендинг своего сайта, а во-вторых, пообещала не забыть его, Питера, когда станет знаменитой.

В год, когда ей исполнилось двадцать девять, Аликс уволилась из Хантер-колледжа и начала проводить семинары — в реабилитационных центрах, на выездных встречах руководителей, в университетских женских клубах, на ярмарках вакансий, — где учила составлять сопроводительные письма и готовиться к собеседованию при поступлении в университет и на работу. Абитуриентки валом валили на ее мероприятия, папка «Входящие» ломилась от «Спасибо!» и «Я поступила!». Тем временем один фешенебельный магазин канцелярских товаров предложил Аликс поучаствовать в продвижении новой линии офисных принадлежностей для деловых женщин. Бумага была цвета слоновой кости, ручки — темно-синие, и Аликс во второй раз (первый был в газете Городского университета) выступила в печати, в журнале «Тин Вог». Ее большие голубые глаза и удивительно длинные ноги как нельзя лучше смотрелись на гляцевых страницах. И на своем обновленном сайте на фотографии в разделе «Об Аликс» она сидела, смеясь, на краешке офисного стола, у ног ее высились готовые пересыпаться через край стопки

писем в прозрачных органайзерах, густые песочного цвета волосы были собраны на макушке в очаровательно-небрежный пучок.

Питер верил в нее; он всегда в нее верил. Конечно, результаты ее трудов были ощутимы — ее новые стажерки собирали благодарные отзывы и фотографировали их для блога, — но Аликс все же часто поражалась огромной вере в ее способности. Ее, вместе с владелицами малого бизнеса, приглашали на дискуссии типа «Как удержать ценных сотрудников» или «Как стать креативным лидером». Она участвовала в феминистских подкастах о корпоративной культуре, благоприятствующей раскрытию творческого потенциала женщин в отраслях высоких технологий. Однажды она выступала на семинаре под названием «Как сделать первый шаг», где двести одиноких женщин пили шампанское из прозрачных пластиковых стаканчиков прямо в лекционном зале. Аликс обожала писать письма и считала, что у нее отлично получается, но «Собственный почерк» процветал именно благодаря доверию и восхищению тех, кто ее окружал.

И однажды утром во время делового бранча, когда Аликс объясняла группке школьных учительниц, как важно учить писать от руки красиво и ровно, письменными буквами, а не печатными, в животе внезапно всколыхнулась такая мощная волна, что она подумала: *только бы я не была беременна*. Но она как раз таки была — и две недели спустя, на углу Университетской авеню и 13-й улицы, Питер расплакался, когда она подтвердила ему новость, и сразу же спросил: «Мы переезжаем?»

Переезд в Филадельфию, на родину Аликс, был их планом на отдаленное будущее с тех самых пор, как четыре года назад они познакомились. Аликс хотела собственный дворик за домом и детей, которые смогут играть в этом дворике; она хотела, чтобы ее дети катались на велосипедах в знакомом безопасном тупичке или на такой улочке, где не торгуют поддельными сумками и не опускают с лязгом железные роллеты над винным магазином. Но сейчас, с высоты своей новой карьеры, которую она прежде не могла и

вообразить, Аликс вздрогнула и отшатнулась. «Нет, нет, — сказала она Питеру, — не сейчас, не сейчас».

Родилась Брайар Луиза, и мир Аликс стал состоять из детских манежей, приборчиков для белого шума, потрескавшихся сосков и разрезанных пополам виноградин. Она внезапно начала говорить о себе в третьем лице («Это мамина сережка», «Мама говорит по телефону»), измерять возраст в месяцах, а не в годах, прибавлять ко всему *большую девочку*, оживляя быт (ложечка большой девочки, джинсы большой девочки, большая девочка легла поспать) и принимать слюнявые, с открытым ртом, поцелуи крошечного человека, который лишь недавно начал существовать вне ее тела.

К этому времени у Аликс уже была команда, состоящая из ассистентки-редактора и двух стажеров, а также «офисное пространство», перетекающее в кухню их квартиры в Верхнем Вест-Сайде. Питер хотел переехать. Его мечта стать ведущим главных городских новостей разбилась о реальность; появляясь на экране по вечерам пять раз в неделю, он рассказывал телезрителям Ривердейла^[2] — их было от силы тысяч восемь — о благотворительных свадьбах породистых собак, об изъятых из продажи игрушках и о том, как туристы на Таймс-сквер состязаются в гонке с препятствиями в надежде выиграть подарочные сертификаты на всякую электронику. Тем временем в Филадельфии сразу несколько маститых журналистов собрались на покой, и их оклады вполне соответствовали тому, что Питер получал в Ривердейле. Вдобавок прошел слух, что их нынешнее жилье может перейти в кооперативное пользование. Переезд в Филадельфию был у них в планах всегда, но ведь звезда Аликс Чемберлен как раз начала восходить.

Ее обновленный блог, где излагались истории успеха женщин-которые-пишут-письма-получают-повышения-и-добиваются-всего-чего-хотят, насчитывал шесть тысяч просмотров в день. По договоренности с одной больницей она провела недельный благотворительный марафон лекций, посвященных любовным

письмам. В длинной черной мантии и академической шапочке она выступала с речью на двух сугубо девичьих выпускных, перед рядами пытливых вдохновенных лиц. И еще, в придачу к карьерному взлету, у Аликс впервые со студенческих лет появилась компания подруг. Рейчел, Джоди и Тамра были умные, яркие, саркастичные, у них тоже были маленькие дети и успешные карьеры, и оказалось, что не так уж и страшно растить ребенка, если в любую минуту можно написать подружкам в общий чат.

Но тут, буквально в один день, Брайар заговорила.

Ее голос, вырываясь из щели между большими передними зубами, поглощал все на своем пути. Он был громкий, и хриплый, и несмолкающий. Когда Брайар засыпала, казалось, будто наконец отключили пожарную сигнализацию, и у Аликс начинало пульсировать в висках от внезапной тишины, о существовании которой она успевала забыть. Подруги уверяли: у их детей все было точно так же, это просто восторг от долгожданного вербального общения. Но для Аликс это оказалось слишком. Брайар непрерывно задавала вопросы, напевала, бормотала, перескакивала с одного на другое, рассказывала, что любит хот-доги, что однажды видела черепаху, что хочет сделать с мамой «хай-файв», что ни капельки не устала. Когда Аликс забирала Брайар у бабушки, мамы Питера, в Мидтауне, та открывала двери квартиры с отчаянной поспешностью, так хорошо знакомой самой Аликс. Она всегда слышала голос дочери еще из лифта, даже не доехав до нужного этажа. Аликс управляла бизнесом, наслаждалась урывками тишины, рассылала литературным агентам предложения с идеей собственной книги и как-то днем, подняв креслице-качалку Брайар, осознала, что снова беременна. Питер, когда она в кухне сообщила ему об этом, скорее растерялся, чем обрадовался.

— Я думал... — Он помотал головой. — Я думал, это невозможно, пока ты кормишь грудью.

Алис поджала губы и придала лицу выражение «вот и я думала».

— Такое бывает редко, — сказала она, — но бывает.

— Аликс... Так продолжаться не может. — Питер показал на кухонный стол, превращенный в склад материалов для очередного проекта «Собственного почерка»: полароидные фотографии, плотная коричневая крафтовая бумага. Вдоль всего подоконника сохли на бумажных полотенцах детские чашки-поильники, формы для запекания были завалены пластиковыми бутылками, которые давно нужно было снести в мусорный контейнер. В то утро Питер, спустившись из спальни, наткнулся на одну из стажерок Аликс: наклонившись и низко опустив голову, она собирала волосы в хвост. Пока он делал себе кофе, обе стажерки надевали белые форменные футболки поло с вышитым на кармане слоганом «Собственный почерк». — У нас тут не хватит земли для второго цветка, — сказал он. А через два дня, когда пришло письмо из корпорации, покупающей их жилой комплекс, Питер объявил: — Я звоню риелтору в Филадельфию.

Что ей было делать — отказаться? Жилья в Нью-Йорке отчаянно не хватало, и было бы безумием предлагать выкупить их квартиру или снять что-нибудь побольше. Да, она теперь зарабатывала много, как никогда раньше, — и нет, этого не было достаточно для комфортной жизни с двумя детьми в их нынешнем районе в Вест-Сайде. Разумеется, можно было бы поискать в Квинсе или Нью-Джерси, — но тогда с тем же успехом можно и переехать в Филадельфию. Аликс ведь и правда работала из дома. И Филадельфия не так уж и далеко. А главное, она теперь действительно стала такой, какой рисовала себя Питеру тогда, в баре, в день знакомства. «Думаю, я выдержу в этом городе еще от силы года три, — сказала она ему тогда. — И каждый раз, когда в метро я сажусь на лужу пота от чьей-то задницы, этот срок на пару недель сокращается». Это было из тех свойств, которые Питеру в ней особенно нравились: что она не стремилась засветиться на всех тусовках, любила выбираться за город, прекрасно водила машину и хотела, чтобы в Хэллоуин их дети ходили за конфетами в соседские

домики, а не в соседние подъезды и не в сетевую аптеку «Дуэйн Рид».

А значит — да, переезд. С Нью-Йорком предстояло расстаться. Однако момент для этого был — хуже не придумаешь. Аликс как раз трудилась над очень важным письмом, своим собственным: в предвыборный штаб госсекретаря Хиллари Клинтон, которая только что объявила, что баллотируется в президенты. Что было более чем кстати, поскольку феминистская платформа Хиллари идеально соответствовала бренду Аликс, а когда твое имя ассоциируется с именем Хиллари, ты можешь оставаться актуальной фигурой, даже не живя в самом актуальном городе страны. К счастью, у ее дорогой подруги Тамры была одна знакомая, у которой была другая знакомая — консультантка избирательной кампании Хиллари. После четырех черновиков и бесконечных колебаний между «Всегда Ваша, Аликс» и «Искренне, Аликс» она наконец нажала «Отправить», рассчитывая, что ее бескорыстное предложение волонтерской помощи неплохо окупится. Но шли недели, а ответов все не было — ни от этой консультантки, ни от литературных агентов.

Внезапно оказалось, что все уже собрано и упаковано для переезда, но темп деловой жизни Аликс ничуть не замедлился, такого она допустить не могла. Она это все любила: сидеть на конференциях, слушать блистательных женщин в платьях-рубашках оверсайз и яркой помаде, получать восторженные мейлы от юных девушек, принятых на перспективные стартовые должности. Но из штаба Клинтон по-прежнему не было ни слова — равно как и от шести литагентов, которым она отправила предложение. В разгар фандрайзингового мероприятия или благотворительного завтрака, пожимая руки вдохновенным выпускницам, Аликс думала: *И это мой предел? Это все, на что я способна?*

Но в утро перед последним своим выступлением в Нью-Йорке — ей предстояло участвовать в панельной дискуссии на конференции «Леди малого бизнеса» — Аликс решила, внезапно и не додумывая

эту мысль до конца, не сцеживать молоко. Она позвонила стажерке, той, у которой был самый большой бебиситтерский опыт, и спросила: «Вы не против, если во время дискуссии Брайар посидит у вас на коленках?»

На сцене одного из театров в Сохо Аликс расположилась за столом между двумя докладчиками, один был ведущий подкаста, другой — известный по реалити-шоу отец пяти девочек-близняшек. В зале сидели три сотни человек, речь шла об охране репродуктивного здоровья и о мотивирующих книгах для девочек, а груди Аликс — особенно левую — распирало от прилившего молока. Наконец, когда аудитория дружно рассмеялась шутке модератора, Брайар — на коленях у стажерки, в первом ряду — заворочалась и открыла глаза.

И сразу загудела: а почему мама там, наверху, а можно чипсов «Чирио», а можно слезть с коленок? Аликс, глядя на дочь, приложила палец к губам. Стажерка показала на дверь и одними губами спросила: *Увести ее?* Аликс помотала головой. Она ждала, пока к ней обратятся с очередным вопросом.

— Я думаю, часто бывает так: женщина всего лишь хочет себе места за круглым столом, — сказала Аликс. Микрофон, прикрепленный к вороту, добросил ее голос до самых дальних рядов. — Но люди слышат другое: «Я требую *особого* обращения», хотя ничего подобного сказано не было. И, честно говоря... — Сердце у Аликс забилось чаще. — Прошу прощения, сейчас мне придется прерваться и прервать наш разговор. — Неужели она действительно это сделает? *Да*, ответила она себе, *да, именно*. — Мне еще много чего есть сказать по этой теме, но вон та беспокойная особа в первом ряду — моя дочь, и у нее есть все основания капризничать, потому что она очень долго спала, и теперь я, с вашего позволения... впрочем, нет, я не спрашиваю позволения. — Она встала из-за стола и двинулась к краю сцены, продолжая говорить и жестикулируя: — И теперь я намерена ее покормить, потому что я совершенно точно могу делать оба эти дела одновременно.